

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.31696/S086919080034620-9

ИССЛЕДОВАНИЯ РОССИЙСКО-КАРАКАЛПАКСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ НА
УСТЮРТЕ И СУЛТАНУИЗДАГЕ В 2024 г.

© 2025

А.С. БАЛАХВАНЦЕВ ^a, Ж.Х. ХАКИМНИЯЗОВ ^b,
С.Т. САЙПОВ ^c, С.В. ВЕТОХОВ ^d^{a, d} – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия^{b, c} – Каракалпакский государственный университет им. Бердаха, Нукус, Узбекистан^a – ORCID: 0000-0002-3028-0109; balakhvantsev@gmail.com

Scopus Author ID: 35752863100; ID WoS: AAS-5863-2021

^b – ORCID: 0009-0000-4683-1692; xakimniyazov@gmail.com^c – ORCID: 0000-0003-4972-9022; sadullasaipov@mail.ru^d – ORCID: 0000-0003-4507-9819; veto@list.ru

Резюме: В статье рассматриваются ход и результаты работы Российской-Каракалпакской археологической экспедиции ИВ РАН и КГУ им. Бердаха. На первом этапе, 3–15 мая 2024 г. были раскопаны два ещё остававшихся неисследованными кургана могильника Гунжели 1 (плато Устюрт, граница Шуманайского и Кунградского районов Каракалпакии). Курган 22 оказался кенотафом, курган 24 был ограблен. Судя по конструкции погребальных сооружений и остаткам погребального инвентаря, оба кургана можно отнести к раннесарматской эпохе (IV–III вв. до н.э.).

Затем, 17–28 мая, экспедиция работала на городище Бурлыккала (Султануиздаг, Эликкалинский район). Было заложено два раскопа. Вся площадь раскопа 1 (10×6 м) была занята большим зданием, состоявшим, как минимум, из трёх помещений. Его стены выведены из сырцового кирпича формата 38×38 см. Завершающий этап жизни здания пока можно отнести к III в. н.э. Работы на раскопе 2 (12×12 м), разбитом вокруг расположенного в северной части городища Башнеобразного сооружения, показали, что оно представляло собой в плане почти правильный квадрат размером 7,1×7,3 м и высотой – 2,8 м. Здание было построено из сырцового кирпича формата ок. 40×41×11–13 см. Башнеобразное сооружение стоит на выровненном культурном слое, который был прослежен на глубину 34 см. Он включал в себя стены шириной в 1 м, сложенные из кирпича-сырца 46×46 и 50×50 см, плотную песчаную супесь и завершающий тонкий (3–4 см) нивелирующий слой из желтого песка. Находки в подстилающем БС слое фрагментов древнехорезмийской керамики и железных трёхлопастных черешковых наконечников стрел с опущенными жалъцами, а также крупный формат кирпича доказывают, что предшествующее БС монументальное здание (не менее трёх помещений) возникло и существовало ранее второй половины II в. до н.э.

Ключевые слова: Древний Хорезм, Устюрт, Гунжели, Султануиздаг, Бурлыккала, ранние кочевники

Для цитирования: Балахванцев А.С., Хакимниязов Ж.Х., Сайпов С.Т., Ветохов С.В. Исследования Российско-Каракалпакской экспедиции на Устюрте и Султануиздаге в 2024 г. *Восток (Oriens)*. 2025. № 2. С. 9–23. DOI: 10.31696/S086919080034620-9

EXPLORATIONS OF THE RUSSIAN-KARAKALPAK EXPEDITION ON THE USTYURT PLATEAU AND SULTANUIZDAG IN 2024

© 2025

Archil S. BALAKHVANTSEV ^a, Jolmurza H. KHAKIMNIYAZOV ^b,
Sadulla T. SAIPOV ^c, Sergey V. VETOKHOV ^d^{a, d} – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia^{b, c} – Karakalpak State University, Nukus, Uzbekistan^a – ORCID: 0000-0002-3028-0109; balakhvantsev@gmail.com

Scopus Author ID: 35752863100; ID WoS: AAS-5863-2021

^b – ORCID: 0009-0000-4683-1692; xakimniyazov@gmail.com^c – ORCID: 0000-0003-4972-9022; sadullasaipov@mail.ru^d – ORCID: 0000-0003-4507-9819; veto@list.ru

Abstract: *The article discusses the progress and results of the Russian-Karakalpak archaeological expedition of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences and the Karakalpak State University. During the first stage, from May 3 to 15, 2024, two unexplored burial mounds of the Gunzheli 1 burial ground (Ustyurt Plateau) were excavated. Mound 22 turned out to be a cenotaph, and mound 24 was robbed. Judging by the design of the burial structures and the remains of the burial inventory, both mounds can be attributed to the early Sarmatian era (4th–2nd / 1st centuries BC).*

Then the expedition worked at the Burlykala ancient settlement (Sultanuizdag). The entire area of excavation 1 (10×6 m) was occupied by a large building consisting of at least three rooms. Its walls were made of mud bricks (38×38 cm). Work on excavation 2 (12×12 m), laid out around the Tower-shaped structure (TSS) located in the northern part of the settlement, showed that it was an almost perfect square in plan, measuring 7.1×7.3 m and 2.8 m high. The building was constructed of mud bricks of approx. 40×41×11–13 cm. TSS stands on a leveled cultural layer, which was traced to a depth of 34 cm. It included adobe walls 1 m wide, built of mud bricks 46×46 and 50×50 cm, dense sandy loam and a final thin (3–4 cm) leveling layer of yellow sand. Finds in the underlying TSS layer prove that the lower building arose and existed before the second half of the 2nd century BC.

Keywords: Ancient Chorasemia, Ustyurt, Gunzheli, Sultanuizdag, Burlykala, early nomads

For citation: Balakhvantsev A.S., Khakimniyazov J.H., Saipov S.T., Vetokhov S.V. Explorations of the Russian-Karakalpak Expedition on the Ustyurt Plateau and Sultanuizdag in 2024. *Vostok (Oriens)*. 2025. No. 2. Pp. 9–23. DOI: 10.31696/S086919080034620-9

В мае 2024 г., после годичного перерыва, вызванного необходимостью подписания договора о научном сотрудничестве между Институтом востоковедения РАН, Каракалпакским государственным университетом им. Бердаха и Государственным музеем искусств Республики Каракалпакстан им. И.В. Савицкого, а также выбора мест для проведения раскопок, Южно-Приаральская Российско-Каракалпакская археологическая экспедиция¹ возобновила свою работу на землях Древнего Хорезма.

¹ Экспедиция была организована в 2019 г. при активнейшей поддержке научного руководителя ИВ РАН академика В.В. Наумкина. Поэтому нам особенно приятно опубликовать статью о ходе и результатах последних археологических работ в номере, посвящённом юбилею уважаемого Виталия Вячеславовича.

ГУНЖЕЛИ 1

Первый этап очередного – четвёртого – сезона проходил с 3 по 15 мая на могильнике Гунжели 1 (плато Устюрт, граница Шуманайского и Кунградского районов Каракалпакии)², где экспедиции³ предстояло раскопать два ещё остававшихся неисследованными кургана (рис. 1)⁴.

Курган 22 располагался в западной части могильника, к югу от кургана 21, и входил в число наиболее крупных. Его диаметр составлял 12,5 м, а высота над уровнем дневной поверхности не превышала 23 см. До начала исследований на дневной поверхности кургана не было зафиксировано современных грабительских ям или следов случайных раскопок, хотя в центре насыпи имелся прогиб глубиной 4–5 см, который мог быть следствием попытки ограбления в древности. Курган имел уклон с севера на юг (рис. 2).

Курган разбирался по пластам в рамках размеченных стратиграфических бровок шириной 0,5 м, имеющих направление по сторонам света.

Первый горизонт зачищался на уровне -30 – -40 см от дневной поверхности. Планиграфия залегания слоёв продемонстрировала сложную свиту напластований. Кроме того, были зафиксированы хаотически разбросанные камни. В центре было выявлено пятно светло-бурой супеси с включением мелкого гравия, перекрывавшее обнаруженную в последующем «могильную» яму. Его окружала широкая полоса рыхлой белесой супеси с включением гравия. Ближе всего к современной дневной поверхности залегал слой рыхлой сероватой супеси с включением гравия и камней, а также плоских плит известняка и ракушечника. На уровне дневной поверхности выявлены материковые отложения песчаного характера (рис. 3, 4).

Второй горизонт (рис. 5) зафиксирован на отметках -17 – -34 см от дневной поверхности. В нём были выявлены два объекта. Объект 1 располагался в восточной части кургана и был зафиксирован на отметке -42 см от дневной поверхности. Он имел вид овального в плане пятна, вытянутого с востока на запад на 2,4 м. Пятно состояло из лежащего в центре пепельного слоя с вкраплениями угольков и окаймляющей его с юга полосы бурого прокалённого суглинки. Объект 1 может свидетельствовать о проведении погребальной тризны.

Объект 2 находился в центральной части кургана и залегал ниже уровня объекта 1 на 40 см. Он представлял собой подквадратное в плане пятно с неровными сторонами, ориентированное по линии северо-запад – юго-восток (рис. 6–8). Размеры по верхнему краю: 2,7×2,2 м. Зачистка материка и выборка заполнения выявленного объекта продемонстрировали, что «могильная» яма была заглублена в материк на 45–50 см и при этом сохранила свои аморфные формы. Заполнение состояло из светло-бурой супеси с включением гравия и нескольких плоских плит известняка и ракушечника.

Обнаружение таких плит позволяет предположить, что в процессе сооружения кургана вокруг и над «могильной» ямой была возведена платформа, разрушенная при попытке его ограбления в древности. Однако крайне неровное, с резкими перепадами дно «могильной» ямы не даёт оснований считать, что она предназначалась для помещения в неё погребённого. К тому же, несмотря на самые тщательные поиски, в том числе с использованием металлодетектора, никаких следов костяка и погребального инвентаря ни в насыпи кургана,

² О локализации и истории изучения могильника в 2018–2019 гг. см.: [Китов и др., 2019, с. 53–57].

³ Авторы благодарят студентов-практикантов первого курса исторического факультета КГУ К. Школбаева, К. Базарбаева, Д. Жубатханова, Б. Даулетмуратова и С. Баймуратова за добросовестную работу в трудных условиях Устюрта.

⁴ Все рисунки, кроме 15, 17, 20, 24, 30, находятся на цветной вклейке.

ни в «могильной» яме (Объект 2) обнаружено не было. Все это приводит к выводу, что курган 22 являлся кенотафом.

Что можно сказать о времени сооружения кургана 22? Для суждения по этому вопросу у нас имеется диаметр курганной насыпи, размеры и ориентация «могильной» ямы, а также большое кострище к востоку от последней.

В могильнике Гунжели 1 у большинства курганов позднесарматского времени диаметры насыпей варьируют от 5 до 7 м, только у двух курганов – 2 и 3 – они достигают 8 м. Напротив, насыпи раннесарматских курганов в Гунжели 1 выглядят более внушительно: к. 5 – 8 м, к. 21 – 10 м, к. 1 – от 11 до 13 м⁵. Размеры и ориентация «могильной» ямы кургана 22 находят ближайшие аналогии в погребениях переходного от «савроматского» к раннесарматскому времени, например, в кургане 18 могильника Лебедевка VII [Железчиков и др., 2006, с. 34], который, скорее всего, датируется концом V – началом IV в. до н.э.

Разведение больших кострищ над могильной ямой или рядом с ней является характерной чертой погребального обряда «савроматского» времени. В раннесарматскую эпоху на Южном Урале эта традиция в одних могильниках (Лебедевка, Бишунгарово) сильно ослабевает [Пшеничнюк, 1983, с. 19, 31, 104; Железчиков и др., 2006, с. 29], а в других – на Илеке – полностью исчезает [Смирнов, 1975, с. 162]. В среднесарматское время использование огня в погребальных памятниках в Южном Приуралье становится минимальным [Мошкова, 1989, с. 179]. В позднесарматское время практика разведения костров возле могильных ям в южной части Приуралья фиксируется только у 4,35 % погребений, а в северной – значительно меньше [Мошкова, 2009, с. 87, 91].

Вполне естественно, что в среднеазиатских курганах, оставленных южноуральскими сарматами, совершавшими с конца VI в. до н.э. ежегодные перекочёвки из окрестностей Орска в западную часть Присарыкамышской дельты Амударьи [Балахванцев, 2017, с. 39–41], наблюдается похожая картина. Так, кострища фиксируются возле могильных ям в погребениях «савроматского» и раннесарматского времени: Тузгыр, к. 17 [Трудновская, 1979, с. 101], Казыбаба I, группа I, к. 1 [Ягодин и др., 2022, с. 33, 210], Хас-Кяриз, к. 3 [Шахурин, 2019, с. 225]. Однако в курганах позднесарматского времени (могильники Гунжели 1, Казыбаба I) практика разведения костров рядом с могильными ямами отсутствует. Всё это позволяет предположить, что курган 22 может датироваться концом «савроматского» – началом раннесарматского времени и является самым древним в могильнике Гунжели 1.

Курган 24 также находится в западной части могильника, юго-восточнее кургана 22 (рис. 1). Его диаметр составлял 12,5 м, а высота над уровнем дневной поверхности не превышала 30 см. На поверхности насыпи не выявлено современных грабительских ям или случайных раскопок. Однако в центре кургана 24 так же, как и кургана 22, находился прогиб, который мог быть результатом древней грабительской ямы. Насыпь кургана имела уклон с севера на юг и с запада на восток (рис. 9).

Курган разбирался по пластам в рамках размеченных стратиграфических бровок шириной 0,5 м, имеющих направление по сторонам света.

Первый горизонт имел аналогичную последовательность слоёв с курганом 22. В центральной части фиксируется пятно светло-бурой супеси овальной в плане формы размером 3×2 м, вытянутое по линии север – юг. Периметр кургана заполнен рыхлой сыроватой супесью с включением гравия и камней. Вокруг могильной ямы располагалась рыхлая белесая супесь с включением гравия (рис. 10).

Второй горизонт представлял собой заполненную светло-бурой супесью с включением мелкого гравия и плоских плит известняка могильную яму на уровне материка (рис. 11).

⁵ Пока эти данные были обнародованы только в устной форме одним из авторов статьи на XI Всероссийской научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» в мае 2023 г. в Волгограде.

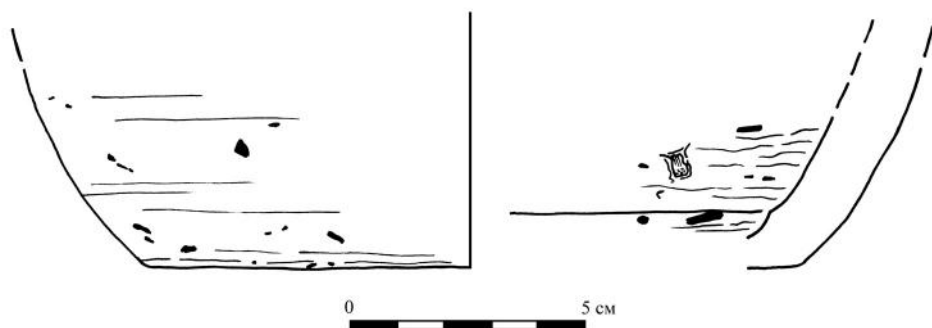

Рис. 15. Могильник Гунжели 1. Курган 24. Фрагмент придонной части красноглиняного кувшина.
Рисунок.

Fig. 15. Burial ground Gunzheli 1. Mound 24. Fragment of the bottom part of a red clay jug. Drawing.

Расчистка могильной ямы показала, что она ориентирована по оси север – юг, а ее наиболее глубокая часть находилась на отметке -60 см от нулевого репера. Стенки ко дну сильно сужаются. Параметры ямы по верхнему краю: $3 \times 1,8$ м, по дну: $2,1 \times 0,9$ м (рис. 12, 13). Судя по обнаруженным в заполнении могильной ямы и в насыпи кургана 24 нескольким плоским плитам известняка, можно предположить, что в процессе сооружения кургана вокруг и над могильной ямой была возведена платформа, позже разрушенная при его ограблении в древности.

В процессе снятия насыпи в северо-восточном секторе кургана в 20 см от дневной поверхности были обнаружены два нестыкующихся фрагмента красноглиняного кувшина с диаметром донца 15 см. Один был частью тулова, а второй относился к придонной части. Следы ангоба отсутствуют. Сосуд был сформирован из хорошо промешанной глины с примесью шамота. Обжиг окислительный – качественный и равномерный (рис. 14, 15). По мнению С.Б. Болелова (ГМБ, Москва), которому мы выражаем свою благодарность, фрагмент придонной части красноглиняного кувшина из кургана 24 может относиться к древнехорезмийскому периоду (IV–III вв. до н.э.).

При вскрытии могильной ямы сделана единственная находка – фрагмент бронзовой шинки перстня с уплощённой внутренней частью и выпуклой внешней. Длина фрагмента – 14 мм, в сечении – $3 \times 1,5$ мм. Для проведения элементного анализа⁶ из полученного образца был подготовлен шлиф путем шлифовки боковой поверхности абразивом Р360 и Р2000. После подготовки поверхности образец был размещён в камере электронного микроскопа на предметном столике на углеродном скотче. Измерения проводились с применением сканирующего электронного микроскопа Hitachi TM4000Plus с приставкой для энергодисперсионного рентгеновского микроанализа (Bruker).

На изображении поверхности шлифа (рис. 16) с указанием участков сбора данных (с 1 по 10) отчётливо различимы две фазы. Основными компонентами в сплаве являются: медь (Cu) и свинец (Pb). Наряду с этими элементами в значительно меньших концентрациях содержатся: цинк (Zn), олово (Sn), железо (Fe), магний (Mg), кремний (Si) (рис. 17). Сплав является свинцовой бронзой. Известно, что свинец практически нерастворим в меди, поэтому в сплавах такого типа структура состоит из отдельных зерен двух элементов. Области белого цвета – свинец, тёмного – медь.

⁶ Анализ выполнен в ФГБНИУ «ГОСНИИР» (Москва) м.н.с. Отдела научной реставрации произведений из металла А.В. Михайловой, которой мы приносим свою глубокую благодарность.

Spectrum	Mg	Al	Si	Cl	Ca	Ti	Fe	Cu	Zn	Sr	Sn	Sb	Pb
1	0.3			11.8		0.1	1.0	39.8					47.0
2	0.6			10.4			0.2	45.3			0.3		43.3
3	0.4			14.6	0.2		0.4	28.0	0.9				55.5
4	0.3			12.4			0.4	37.7	0.5	0.2			48.4
5	1.4	0.7	0.4	6.1			1.1	61.9	0.9			0.1	27.5
6	1.5	1.0	0.2	2.2			0.3	85.1					9.8
7	1.3	1.0	0.5	2.2			0.4	82.0	2.5		0.1		10.0
8	1.7	1.1	0.3	1.1			0.3	90.5					5.0
9	1.2	0.7	0.2	3.1			0.8	78.7			0.3		15.0
10	1.0	0.3		5.9			0.3	65.4				0.2	26.9
Mean	1.0	0.8	0.3	7.0	0.2	0.1	0.5	61.4	1.2	0.2	0.2	0.2	28.8

Рис. 17. Курган 24. Таблица с результатами количественного анализа бронзы.

Fig. 17. Mound 24. Table with the results of quantitative analysis of bronze.

Исключив из анализа участки 1, 2, 3, 4, 7, т.к. они попали на глобулы свинца, мы приходим к выводу, что фрагмент шинки сделан из свинцовой бронзы с очень высоким (в среднем, 16 %) содержанием свинца⁷. Предметы с таким высоким содержанием свинца в среднеазиатских памятниках встречаются крайне редко. Ближайшая аналогия (колокольчик) обнаруживается только в кургане I,47 Тулхарского могильника на юге Таджикистана [Богданова-Березовская, 1966, с. 230, табл. 2], который относится к числу сравнительно поздних погребений и датируется серединой I в. до н.э. – началом I в. н.э. [Мандельштам, 1966, с. 25, 158–159]. За пределами Средней Азии свинцовая бронза имеет широкое распространение в курганах Ноин-Улы (Монголия), где на её долю приходится 26 % проанализированных изделий. Считается, что они выполнены под влиянием ханьской традиции [Миняев, 1981, с. 42; Шацкая и др., 2011, с. 161–162].

По размерам насыпи курган 24 сближается с раннесарматскими курганами 1, 5, 21 и 22. Судя по наличию в могильной яме перстня из свинцовой бронзы, распространение изделий из которой в Средней Азии связано с восточной миграцией кочевых соседей империи Хань во второй половине II–I вв. до н.э., можно обоснованно предположить, что курган 24 относится к самому концу раннесарматской эпохи.

Всё это подтверждает сделанный одним из авторов статьи ещё в 2019 г. вывод, что могильник Гунжели 1 использовался как в раннесарматскую, так и в позднесарматскую эпоху. Открытие нового сарматского могильника Гунжели 1 доказывает, что плато Устюрт входило в зону распространения сарматской культуры.

БУРЛЫКАЛА

Городище Бурлыккала расположено на одном из юго-восточных отрогов Султануиздага и возвышается над окружающей равниной на 20 м. Неправильные в целом очертания крепостной стены обусловлены естественным абрисом скальной платформы, на которой

⁷ Мы благодарны к.и.н., с.н.с. Отдела сохранения археологического наследия И.А. Сапрыкиной (ИА РАН) за ценные консультации по данному вопросу.

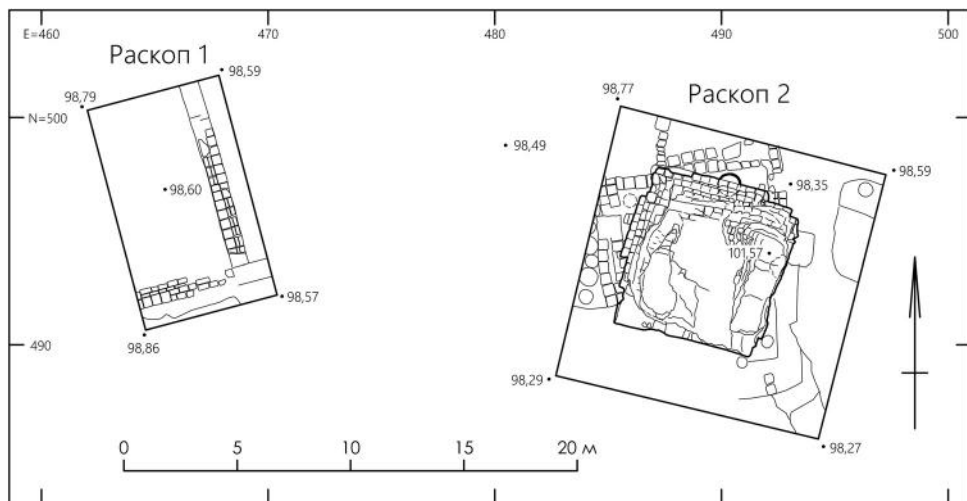

Рис. 20. Городище Бурлыкала. Раскопы 1 и 2.
Fig. 20. Burlykala settlement. Excavations 1 and 2.

размещается крепость. Общие размеры вытянувшегося с северо-запада на юго-восток городища составляют 100×60 м (рис. 18, 19)⁸.

Бурлыкала является одной из малых крепостей Древнего Хорезма, находящихся на его северной границе и предназначенных для защиты от набегов кочевников. Именно типичность данного поселения, его небольшие размеры, доступность для комплексного исследования Российско-Каракалпакской экспедицией в его естественных границах и недостаточная изученность делают Бурлыкалу памятником, особенно привлекательным для проведения раскопок и последующего монографического издания.

Городище Бурлыкала было открыто начальником Хорезмской археолого-этнографической экспедиции С.П. Толстовым и его коллегами во время авиаразведки утром 25 августа 1946 г. [Толстов, 1948, с. 45, 122]. Затем сотрудники ХАЭЭ описали крепость в дневниках, сфотографировали и сняли план памятника. В 1967 г. Б.И. Вайнберг и М.С. Лапиров-Скобло (ХАЭЭ) вновь обследовали Бурлыкалу, но результаты их работ так и не были опубликованы [Толстов, 1968, с. 333]. В 1960-х гг. на городище работал нукусский археолог Ю.П. Манылов, исследования которого получили определённое отражение в ряде статей [Манылов, 1969, с. 66–67; Манылов, Хожаниязов, 1981, с. 39–44].

Раскоп 1 площадью 10×6 м был разбит 18 мая в северо-западной части городища Бурлыкала, практически вплотную к крепостной стене (рис. 20). Выбор места обуславливался перспективой обнаружения большого здания, стены помещений которого, благодаря прошедшему накануне сильному дождю, были четко зафиксированы при рекогносцировочных работах. Здание было ориентировано по сторонам света, с отклонением на 15° против часовой стрелки.

По итогам зачистки рыхлого поверхностного слоя с большим количеством камней и многочисленными непрофильными фрагментами керамики на глубину 5 см и выхода на

⁸ Топографический план городища (рис. 19) был снят на завершающей стадии работ архитектором С.В. Ветоховым с использованием тахеометра TOPCON GPT-3107N. Для его создания была построена локальная система координат с условными координатами (N=500, E=500), ориентированная по магнитному северу, и высотой (H=100), определенной при помощи GPS-навигатора.

горизонт 1, очертания ранее выявленных стен проступили ещё более ярко. Единственной интересной находкой стал фрагмент стенки красноглиняного хума с процарапанным до обжига знаком в виде «древа жизни» (рис. 21). Аналогичный знак встречается в Кой-Крылган-кале [Толстов, 1967, с. 224–225, табл. XXXIV, 33, 34].

После второй зачистки на уровне 15 см от дневной поверхности (горизонт 2) была зафиксирована следующая картина (рис. 22): вдоль восточного борта раскопа с севера на юг прослеживается первая стена длиной 8 м, а вдоль южного борта с запада на восток – вторая стена длиной 4,4 м. Стены сходятся под прямым углом, но их сохранность не позволяет пока с уверенностью говорить о наличии перевязки. Обе стены сложены из сырцового кирпича формата 38×38 см и его половинок и имеют схожую структуру. Северный участок первой (восточной) стены образован с внутренней стороны двумя рядами кирпичей, уложенными на ребро, а с внешней – одним рядом кирпичей, лежащих плашмя. Затем ситуация зеркально меняется: с внутренней стороны лежит один ряд кирпичей плашмя, а с внешней – два ряда кирпичей, уложенных на ребро.

Аналогичная картина – два ряда кирпичей на ребре с внутренней стороны и один ряд кирпичей плашмя с внешней – наблюдается и во второй (южной) стене.

Наличие на внешней и внутренней сторонах восточной стены глиняной обмазки свидетельствует о том, что стена разделяла два помещения: западное (помещение I) и восточное (помещение II). Внутри помещения I (его западная и северная границы нам пока неизвестны) на достигнутом уровне в основном фиксируется плотный лёссовый горизонт, который, скорее всего, возник вследствие оплыва стен. Обнаруженные здесь невыразительные фрагменты керамики свидетельствуют о нежилом характере этого горизонта.

В помещении II зафиксировано продолговатое узкое черное золисто-пепельное пятно, южнее которого находился слой рыхлой золистой супеси, что может свидетельствовать о нахождении здесь очага.

Судя по наличию глиняной обмазки на внешней стороне южной стены помещения I, к югу от последнего находилось ещё одно помещение (III). В его западной части, у самой стены, была обнаружена печь округлой формы диаметром 0,35 м в виде яркого охристого прокала глины. Вокруг печи находится зольное пятно 0,7×0,5 м. Вдоль всей стены тянется слой светло-серой супеси с включением мелких частиц керамики, костей и гравия. Именно здесь был обнаружен фрагмент кругового кувшина II–III вв. н.э., под венчиком которого находились следы букв или псевдоэпиграфического орнамента. Завершающий этап жизни здания пока можно отнести к III в. н.э. Однако при этом следует учесть, что эта датировка основана всего лишь на одном фрагменте керамики и нуждается в подтверждении.

Работы на раскопе 1 были приостановлены 20 мая из-за необходимости сосредоточить все силы на раскопе 2, где к этому времени были открыты «ступени» на северной стороне Башнеобразного сооружения и хумхона вдоль его западной стороны.

Раскоп 2 площадью 12×12 м (рис. 19, 20) был разбит 19 мая вокруг расположенного в северной части городища Башнеобразного сооружения (БС). До начала раскопок БС представляло собой конструкцию высотой ок. 2 м и площадью 5,9×5,2 м, состоявшую из двух стен, восточной и западной. Между ними находился большой разлом, придававший всему сооружению двугорбую форму. Нижняя часть БС была скрыта под насыпью, образовавшейся в результате оплыва и разрушения стен (рис. 23).

Проведённые снаружи и внутри Башнеобразного сооружения разбор завалов и зачистки позволили установить, что оно представляло собой в плане почти правильный квадрат размером 7,1×7,3 м. Здание ориентировано по сторонам света, с отклонением на 18° по часовой стрелке. Высота сохранившейся части – 2,8 м. Сооружение состоит из двадцати одного ряда кирпичных кладочных слоев (рис. 24). Формат сырцового кирпича – ок. 40×41×11–13 см.

На некоторых кирпичах, происходящих из завала на Южном фасе БС, имеются знаки (рис. 25, 1–2)⁹, уже встречавшиеся на других памятниках Древнего Хорезма, в частности, на Топрак-кале и Аяз-кале 1 (рис. 25, 2). Кладочный раствор, судя по цвету, имеет схожий с кирпичом состав. На внешней поверхности БС следов штукатурки не зафиксировано. Однако при снятии первого штыка на Северном фасе БС были найдены два фрагмента керамической плитки (рис. 25, 3–4). Еще два фрагмента были обнаружены на Северном фасе БС при снятии второго штыка и при разборе завала на Южном фасе.

Наблюдения над внутренней структурой сооружения, произведённые во время расчистки разлома, свидетельствуют о цельности кладочной конструкции. Расчистка была остановлена на отметке 99,62 м от реперной точки. Этот уровень не являлся полом и лежит заподлицо с верхней ступенькой. В ходе расчистки рыхлого оплыва, залежавшего по всей внутренней площади разлома в БС, было обнаружено несколько фрагментов керамики V в. до н.э. – III/IV вв. н.э. При разборе плотного внутреннего оплыва в БС было найдено четыре фрагмента керамики, из которых два относятся к древнехорезмийскому периоду (IV–II/I вв. до н.э.), а один – к средневековью.

Башнеобразное сооружение стоит на выровненном культурном слое, который был прослежен на глубину 34 см. Он содержит сырцовые стены более ранней постройки, сложенные из кирпича-сырца 46×46 и 50×50 см, плотную песчаную супесь и завершающий тонкий (3–4 см) нивелирующий слой из желтого песка (рис. 26).

С северной и частично с западной стороны на высоту семи кирпичных рядов сооружение имеет ступенчатое основание (рис. 27). Восточная сторона была вертикальна. Сложно сказать, могла ли ступенчатая северная сторона использоваться именно как лестница, учитывая нефункциональную узость некоторых ступеней (от 15 до 25 см) и хрупкость самого материала. Кроме того, на кирпичах не видно следов сработанности от хождения. Возможно, ступенчатая структура нижней части БС, игравшей роль платформы, существовала только на северной и западной сторонах. Но тогда возникает резонный вопрос о причине подобной асимметрии. Впрочем, вернуться к рассмотрению этой проблемы будет лучше уже после разбора завала с южной стороны Башнеобразного сооружения.

Судя по обнаруженной при расчистке «ступеней» северной и западной сторон БС керамике, а также горлышкам от водочных бутылок середины XX в., залежавший на них слой ещё в большей степени, чем внутри БС, носил явно выраженный мешаный характер.

Западный фас БС (между западной стороной сооружения и западной границей раскопа 2) характеризуется перепадом высот с севера на юг от 10 до 15 см. В ходе раскопок были вскрыты две сходящиеся под прямым углом стены, сложенные из сырцового кирпича (46×46 и 50×50 см) и пахсы (рис. 28). Судя по наличию обмазки на южной стороне стены, идущей с юго-запада на северо-восток, к югу от нее находилось помещение I, практически полностью перекрытое Башнеобразным сооружением. В северо-западном углу помещения I зафиксировано пятно в виде окала морковного, бледно-оранжевого цвета. Оно окружено слоем рыхлой бурой супеси с включением мелких известковых частиц, фрагментов керамики и костей. В этот слой был впущен хум (отметка 148 от нулевого репера) диаметром ок. 50 см, зафиксированный *in situ*.

Полоса между внешней стороной западной стены помещения I, сложенной из двух рядов кирпича, и границей раскопа занята слоями серой супеси, в которую впущены шесть хумов (отметки 164, 162 и 148 от нулевого репера), диаметром от 50 до 70 см. Три из

⁹ Первый знак принадлежит к первому варианту подтипа VII.18 О [Гертман, 1998, с. 141], второй – к широко распространённому типу I.2 [Гертман, 1998, с. 138]. Предполагается, что таким знаком в виде двух параллельных полос помечалась продукция работников, находившихся в распоряжении дворца [Гертман, 1998, с. 147, прим. 6 (с предшествующей литературой)].

них попали в раскоп полностью, а три в той или иной части уходят на запад за его борт. Очевидно, что к западу от западной стены помещения I находилась хумхона (помещение II).

К востоку от самого северного хума во внешней стороне западной стены помещения I имеется неясного назначения ниша, в которой было обнаружено несколько астрагалов.

В северо-западном углу раскопа 2 фиксируется слой светло-серой супеси со следами прокала. Здесь на отметке 141 от нулевого репера (глубина 45 см от дневной поверхности) было обнаружено четыре железных наконечника стрел. Судя по наиболее хорошо сохранившемуся (рис. 29, 1), они относятся к черешковым трехлопастным наконечникам с опущенными жалъцами.

Работы на Северном фасе БС (между его северной стороной и северным бортом раскопа) позволили проследить продолжение начинающейся на Западном фасе и идущей в северо-восточном направлении стены общей длиной ок. 8 м и шириной в два кирпича. Судя по наличию на её северной и южной сторонах обмазки, к северу и югу от стены должны располагаться отдельные помещения. Южное помещение, скорее всего, совпадает с уже частично открытым помещением I, уходящим под Башнеобразное сооружение, а северное становится новым помещением III (рис. 20, 28).

В восточной части Северного фаса северная стена под прямым углом соединяется с восточной стеной помещения I, уходящей под северо-восточный угол БС. Северную стену окружала свита слоёв серой и серо-бурой супеси с включением зольных линз. К югу от стены, по центру северной стороны БС *in situ* находится крупный хум (максимальный диаметр – 85 см). Его верхняя часть (отметка 127 от нулевого репера) была срезана при выравнивании слоя, на котором впоследствии воздвигли БС (рис. 20, 24, 26).

Обнаруженная на Северном фасе БС керамика – как на первом штыке, так и на втором – носила смешанный характер. Среди сделанных на первом штыке находок обращает на себя внимание фрагмент большого кругового сосуда (хумчи), под венчиком которого находится сквозное отверстие. Черепок в изломе красно-коричневого цвета, снаружи сохранились следы красного ангоба и орнамент в виде прочерченных треугольников (рис. 29, 2). Хумча датируется древнехорезмийским периодом (IV–II/I вв. до н.э.). Рядом был найден фрагмент горлышка кувшина с пластинчатой ручкой¹⁰. Черепок в изломе светло-коричневого цвета, светлый ангоб (рис. 29, 3). Кувшин относится к IX–XI вв. На втором штыке идёт только античная керамика, а средневековая более не встречается. Отметим фрагмент кругового кубка, покрытого двусторонним красным ангобом. Черепок в изломе красно-коричневого цвета (рис. 29, 4; 30, 1). Следует обратить внимание и на фрагмент кругового горшка, шея которого украшена росписью в виде капель. Сосуд неангобирован, черепок в изломе коричневого цвета (рис. 29, 5; 30, 2). Горшок находит хорошие параллели в Калалы-гыр 2 [Болелов, 2004, с. 112, рис. 3/10: тип III, вариант 4] и по форме венчика и орнаменту датируется древнехорезмийским периодом (IV–II/I вв. до н.э.).

Северо-восточный угол раскопа 2 занят подпрямоугольным пятном пепельно-золистого слоя с включениями угля. Западнее была зафиксирована плавно уходящая под северный борт раскопа стена, в которой не читалась кладка. Однако наличие на внутренней стороне этой стены обмазки, к югу от которой находился хум (отметка 156 от нулевого репера), позволяет предположить наличие здесь еще одного помещения IV (рис. 20, 28).

На восточном фасе БС (между его восточной стороной и восточным бортом раскопа) после снятия рыхлого поверхностного слоя на отметках 150 и 151 от нулевого репера проявилась свита слоёв, включавшая в себя лёссовый горизонт, который, возможно, являлся оплывшей восточной стеной помещения I. Стена, сложенная из сырцового кирпича

¹⁰ Эта находка позволяет пересмотреть утверждение Ю.П. Манылова об отсутствии подобных ручек на Бурлыкале [Манылов, 1969, с. 69].

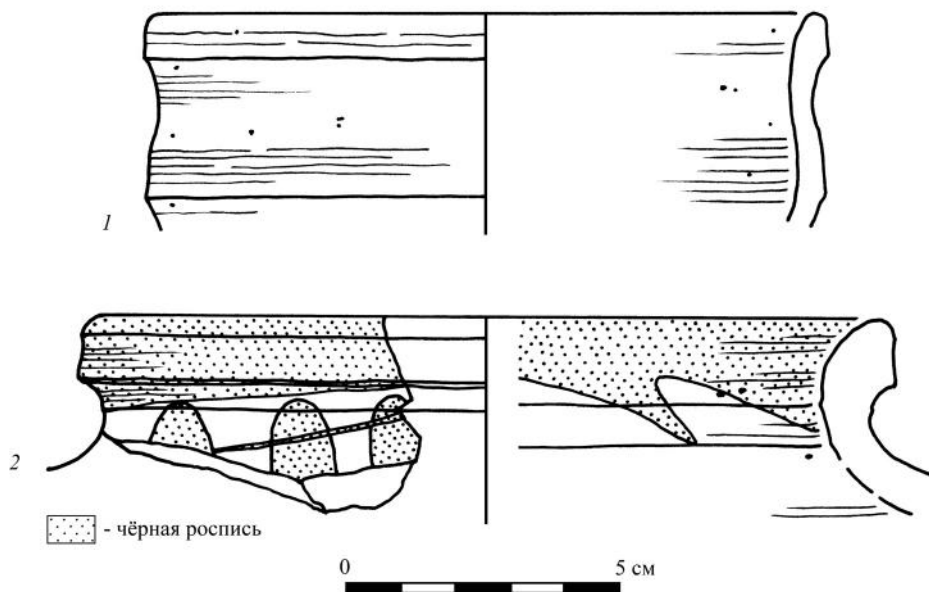

Рис. 30. Городище Бурлыккала. Раскоп 2. Керамика. Северный фас Башнеобразного сооружения. Второй штык.

Fig. 30. Burlykala settlement. Excavation 2. Ceramics. Northern face of the Tower-shaped structure. Second bayonet.

и, возможно, пахсы, достигала в длину 5 м, в ширину – ок. 1 м. В юго-восточном углу раскопа 2 восточная стена под прямым углом пересекается со столь же сильно оплывшей южной стеной помещения I. В юго-восточном углу помещения I на отметках 155 и 142 от нулевого репера зафиксированы печь (диаметром ок. 50 см) и хум, окружённые горизонтом серой супеси, который также мог образоваться в результате разрушения вышележащей кирпичной кладки. Восточнее внешней стороны стены помещения I до борта раскопа тянется серо-бурый зольный слой (рис. 28). Вся обнаруженная на восточном фасе БС керамика (семь фрагментов) датируется VII–XIII вв.

В юго-восточном углу раскопа 2, к югу от стыка восточной и южной стен БС находится переотложенный слой с включением мусорного материала. Зафиксирована свита слоёв, окаймляющих кладку южной стены (отметки 155 и 160 от нулевого репера), в которой читаются кирпичи. Как правило, это гравийные и супесные отложения с включением следов прокала, зольного слоя или зольных пятен. К ним же относится дисперсный горизонт с включением костей, мелких фрагментов керамики и мусорных остатков (рис. 28). Из трёх обнаруженных здесь профильных фрагментов керамики два датируются эпохой средневековья.

На южном фасе БС (между его южной стороной и южным бортом раскопа) был произведен частичный разбор завала. Из найденных здесь немногочисленных фрагментов керамики два датируются VI–VIII вв. Общая картина, зафиксированная в раскопе 2, демонстрирует отсутствие стратиграфических отложений, которые отражали бы этапы обживания существовавших здесь сооружений.

В заключение рассмотрим некоторые предварительные соображения, касающиеся назначения и датировки зданий, открытых в раскопе 2. Функции и время постройки Башнеобразного сооружения до сих пор являются предметом дискуссий. С.П. Толстов сопоставлял постройку на Бурлыкале, которую он датировал IV в. до н.э. – I в. н.э., с башнями на городище Кюзели-гыр, считая последние культовыми зданиями – атешгахами или погребальными башнями [Толстов, 1962, с. 102]. Ю.П. Манылов полагал, что сооружение на Бурлыкале является сигнальной башней X – начала XII вв., построенной из античного кирпича [Манылов, 1969, с. 66–67, 69–70].

Не пытаясь разрешить этот вопрос сейчас, необходимо отметить следующее. Прежде всего, кладочный раствор Башнеобразного сооружения, судя по цвету, имеет схожий с кирпичом состав. Это обстоятельство делает возможность вторичного использования кирпича маловероятной. Ступенчатая структура нижней части БС не позволяет считать, что здание сооружалось в качестве сигнальной башни. Что же касается относящейся к эпохе после прекращения жизни на Бурлыкале керамики, найденной на стенах БС, внутри и вокруг него, то она охватывает более широкий хронологический период, чем это представлялось Ю.П. Манылову – с VI по XIII вв. Между тем, в эпоху великих хорезмшахов, когда северная граница государства отодвинулась за Сырдарью, в существовании сигнальных башен на Султануиздаге не было никакого смысла [Манылов, 1969, с. 70]. Поэтому средневековая керамика, скорее всего, свидетельствует о посещении развалин Бурлыкалы пастухами или разработчиками горных выработок [Амиров и др., 2019, с. 48, рис. 1]. В ходе наших исследований внутри БС не было найдено не только следов длительного и интенсивного горения, но даже золы и угольков [ср.: Манылов, 1969, с. 66]. Всё это свидетельствует против гипотезы о строительстве или использовании БС в качестве средневековой сторожевой башни.

Сейчас наиболее приемлемым выглядит предположение о том, что БС строилось в качестве мавзолея¹¹. В поддержку этой версии свидетельствует находка на Южном фасе здания керамического красноглиняного фрагмента с волнистым верхним краем, который может быть частью оссуария. Если же прибавить к этому возможность участия в сооружении БС работников, находившихся в подчинении дворца, то погребальное сооружение было далеко нерядового уровня.

Перейдём теперь к предшествовавшему БС монументальному зданию, ориентированному по сторонам света, с отклонением на 10° против часовой стрелки. Судя по обнаружению в нём девяти хумов *in situ*, оно или, как минимум, одно из его помещений носило складской характер. Находки в подстилающем БС слое фрагментов древнехорезмийской керамики и железных трёхлопастных черешковых наконечников стрел с опущенными жалъцами, а также крупный формат кирпича (46×46 и 50×50 см)¹² доказывают, что предшествующее БС монументальное здание (не менее трех помещений) возникло и существовало ранее второй половины II в. до н.э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Амиров Ш., Беттс А., Хожаниязов Г., Минарди М. Археологическое обследование гор Султануиздага. *История и археология Приаралья*. № 1. 2019. С. 47–55 [Amirov Sh., Betts A., Khozhaniyazov G., Minardi M. Archeological Survey in Sultanuizdag Mountain. *History and Archeology of the Aral Sea region*. No. 1. 2019. Pp. 47–55 (in Russian)].

Балахванцев А.С. *Политическая история ранней Парфии*. М.: ИВ РАН, 2017 [Balakhvantsev A.S. *Political History of Early Parthia*. Moscow: IOS RAS, 2017 (in Russian)].

¹¹ Относительно возможности того, что здание было атешгахом, пока нельзя сказать ничего определённого.

¹² Аналогичный размер кирпича использовался в Елхарасе на рубеже IV–III вв. до н.э. [Балахванцев, 2024, с. 24 (с предшествующей литературой)].

Балахванцев А.С. Споры о Такhti-Сангине: хронология. *Восток (Oriens)*. 2024, № 5. С. 20–30 [Balakhvantsev A.S. Disputes about Takhti-Sangin: Chronology. *Vostok (Oriens)*. 2024. No. 5. Pp. 20–30 (in Russian)].

Болелов С.Б. Керамика. *Калалы-гыр 2: Культурный центр в Древнем Хорезме IV–II вв. до н.э.* М.: Восточная литература, 2004. С. 93–147 [Bolelov S.B. Ceramics. *Kalaly-Gyr 2: A Cult Center in Ancient Chorasnia in the 4th–2nd Centuries BC*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2004. Pp. 93–147 (in Russian)].

Богданова-Березовская И.В. Химический состав металлических предметов из Тулхарского могильника. В кн.: *А.М. Мандельштам. Кочевники на пути в Индию*. М.–Л.: Наука, 1966. С. 225–230 [Bogdanova-Berezovskaya I.V. Chemical Composition of Metal Objects from the Tulhar Burial Ground. In: *A.M. Mandelstam. Nomads on the Way to India*. Moscow-Leningrad: Nauka, 1966. Pp. 225–230 (in Russian)].

Гертман А.Н. Знаки на кирпичках и некоторые вопросы организации древневосточного строительства (по материалам древнего Хорезма). *Приаралье в древности и средневековье. К 60-летию Хорезмской археолого-этнографической экспедиции*. Ред. Е.Е. Неразик. М.: Восточная литература, 1998. С. 116–135 [Gertman A.N. Signs on Bricks and Some Issues of the Organization of Ancient Eastern Construction (Based on Materials from Ancient Chorasnia). *Aral Region in Antiquity and the Middle Ages. The 60th Anniversary of the Chorasmian Archaeological and Ethnographic Expedition*. Ed. E.E. Nerazik. Moscow: Vostochnaya literatura, 1998. Pp. 136–150 (in Russian)].

Железчиков Б.Ф., Клепиков В.М., Сергачков И.В. *Древности Лебедевки (VI–II вв. до н.э.)*. М.: Восточная литература, 2006 [Zhelezchikov B.F., Klepikov V.M., Sergatskov I.V. *Antiquities of Lebedevka (6th – 2nd centuries BC)*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2006 (in Russian)].

Китов Е.П., Болелов С.Б., Балахванцев А.С. Возвращение в Древний Хорезм: исследования совместной российско-каракалпакской экспедиции на Устюрте и Большом Кырк-Кызе. *Восток (Oriens)*. 2019. № 6. С. 52–70 [Kitov E.P., Bolelov S.B., Balakhvantsev A.S. The Return to Ancient Chorasnia: Explorations of the Joint Karakalpak-Russian Complex Archaeological Expedition on the Ustyurt Plateau and at Bol'shoy K'irk-K'iz. *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 6. Pp. 52–70 (in Russian)].

Мандельштам А.М. *Кочевники на пути в Индию*. М.–Л.: Наука, 1966 [Mandelstam A.M. *Nomads on the Way to India*. Moscow-Leningrad: Nauka, 1966 (in Russian)].

Маньлов Ю.П. Сигнальные башни Султануиздага. *Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР*. 1969. № 3. С. 65–71 [Manylov Yu.P. Signal Towers of Sultanuizdag. *Bulletin of the Karakalpak Branch of the Academy of Sciences of the Uzbek SSR*. 1969. No. 3. Pp. 65–71 (in Russian)].

Маньлов Ю.П., Хожаниязов Г. Городища Аязкала 1 и Бурлыккала (К изучению фортификации древнего Хорезма). *Археологические исследования в Каракалпакии*. Ред. И.К. Косымбетов, В.Н. Ягодин. Ташкент: Фан, 1981. С. 32–49 [Manylov Yu.P., Khozhaniyazov G. Settlements of Ayazkala 1 and Burlykala (On the Study of Fortification of Ancient Chorasnia). *Archaeological Research in Karakalpakstan*. Eds. I.K. Kosymbetov, V.N. Yagodin. Tashkent: Fan, 1981. Pp. 32–49 (in Russian)].

Миняев С.С. Бронзовые изделия Ноин-Улы (по материалам спектрального анализа). *Краткие сообщения института археологии*. 1981. Вып. 167. С. 39–43 [Minyaev S.S. Bronze Items of Noin-Ula (Based on Spectral Analysis). *Brief Communications of the Institute of Archaeology*. 1981. Iss. 167. Pp. 39–43 (in Russian)].

Мошкова М.Г. Среднесарматская культура. *Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время*. М.: Наука, 1989. С. 177–191 [Moshkova M.G. Middle Sarmatian Culture. *Archaeology of the USSR. Steppes of the European Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Period*. Moscow: Nauka, 1989. Pp. 177–191 (in Russian)].

Мошкова М.Г. Анализ сарматских погребальных памятников II–IV вв. н.э. В кн.: *[А.С. Балахванцев, М.Г. Мошкова]. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии*. Вып. IV. *Позднесарматская культура*. М.: Восточная литература, 2009. С. 21–162 [Moshkova M.G. Analysis of Sarmatian Burial Monuments of the 2nd–4th centuries AD. In: *[A.S. Balakhvantsev, M.G. Moshkova]. Statistical Study of Funeral Antiquities of Ancient Sarmatia*. Vol. IV. *Late Sarmatian Culture*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2009. Pp. 21–162 (in Russian)].

Пшеничнюк А.Х. *Культура ранних кочевников Южного Урала*. М.: Наука, 1983 [Pshenichnyuk A. Kh. *Culture of the Early Nomads of the Southern Urals*. Moscow: Nauka, 1983 (in Russian)].

Смирнов К.Ф. *Сарматы на Илеке*. М.: Наука, 1975 [Smirnov K.F. *Sarmatians on Ileek*. Moscow: Nauka, 1975 (in Russian)].

Толстов С.П. *По следам древнехорезмийской цивилизации*. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1948 [Tolstov S.P. *In the Wake of the Ancient Chorasmian Civilization*. Moscow-Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1948 (in Russian)].

Толстов С.П. *По древним дельтам Окса и Яксарта*. М.: Восточная литература, 1962 [Tolstov S.P. *Along the Ancient Deltas of the Oxus and Yaksart Rivers*. Moscow: Vostochnaya literatura, 1962 (in Russian)].

Толстов С.П. Надписи и знаки. *Кой-Крылган-кала – памятник культуры Древнего Хорезма IV в. до н.э. – IV в. н.э. Труды Хорезмской экспедиции*. Т. V. М.: Наука, 1967. С. 220–226 [Tolstov S.P. Inscriptions and Signs. *Koy-Krylgan-Kala: A Cultural Monument of Ancient Chorasmia, 4th Century BC – 4th Century AD. Proceedings of the Chorasmian Expedition*. Vol. V. Moscow: Nauka, 1967. Pp. 220–226 (in Russian)].

Толстов С.П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция. *Археологические открытия – 1967*. М.: Наука, 1968. С. 332–333 [Tolstov S.P. Chorasman Archaeological and Ethnographic Expedition. *Archaeological discoveries – 1967*. Moscow: Nauka, 1968. Pp. 332–333 (in Russian)].

Трудновская С.А. Ранние погребения юго-западной курганный группы могильника Туз-гыр. *Кочевники на границах Хорезма*. Ред. М.А. Итина. М.: Наука, 1979. С. 101–110 [Trudnovskaya S.A. Early Burials of the Southwestern Burial Mound Group of the Tuz-gyr Cemetery. *Nomads on the Borders of Chorasmia*. Ed. M.A. Itina. Moscow: Nauka, 1979. Pp. 101–110 (in Russian)].

Шацкая С.С., Деревягина И.А., Глазырина Н.Ф. Результаты исследований металлических изделий 20-го и 31-го курганов. В кн.: *Н.В. Полосмак, Е.С. Богданов, Д. Цэвээндорж. Двадцатый ноин-улинский курган*. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2011. С. 150–163 [Shatskaya S.S., Derevyagina I.A., Glazyrina N.F. Results of Research of Metal Products of the 20th and 31st Tumuli. In: *N.V. Polosmak, E.S. Bogdanov, D. Tseveendorzh. The Twentieth Noin-Ula Tumulus*. Novosibirsk: INFOLIO, 2011. Pp. 150–163 (in Russian)].

Шахурин К.А. Мужское погребение из курганной цепочки в районе железнодорожной станции Кодж Кизил-Арватского района Ашхабадской области. *Эпоха империй. Восточный Иран от Ахеменидов до Сасанидов: история, археология, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти Бориса Анатольевича Литвинского (Москва, 16–18 апреля 2018 г.)*. Ред. А.С. Балахванцев, Н.А. Маккавеев. М.: ИВ РАН, 2019. С. 221–234 [Shakhurin K.A. Male Burial from a Chain of Burial Mounds in the Area of the Kodzh Railway Station, Kizil-Arvat District, Ashgabat Region. *The Age of Empires. Eastern Iran from the Achaemenids to the Sassanians: History, Archaeology, Culture. Proceedings of the International Scholarly Conference Dedicated to the Memory of Boris Anatolevich Litvinsky (Moscow, April 16–18, 2018)*. Eds.: A.S. Balakhvantsev, N.A. Makkaveev. Moscow: IOS RAS, 2019. Pp. 221–234 (in Russian)].

Ягодин В.Н., Китов Е.П., Мамедов А.М., Жамбулатов К.А. *Степные племена на северо-западных границах Хорезма в VI–II вв. до н.э. – II–IV вв. н.э. (по материалам курганного могильника Казыбаба I)*. Самарканд: МИЦАИ, 2022 [Yagodin V.N., Kitov E.P., Mamedov A.M., Zhambulatov K.A. *Steppe Tribes on the Northwestern Borders of Chorasmia in the 6th–2nd Centuries BC – 2nd–4th Centuries AD (Based on Materials from the Burial Mound of Kazybaba I)*. Samarkand: IICAS, 2022 (in Russian)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

БАЛАХВАНЦЕВ Арчил Савелич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий Центром археологии доисламского Востока Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Archil S. BALAKHVANTSEV, DSc (History), Leading Research Fellow, Head of the Center for Archeology of Pre-Islamic East, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

ХАКИМНИЯЗОВ Жолмурза Хожабекович – кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии Каракалпакского государственного университета им. Бердаха, Нукус, Узбекистан.

Jolmurza H. KHAKIMNIYAZOV, PhD (History), Professor, Head of the Department of Archaeology, Karakalpak State University named after Berdakh, Nukus, Uzbekistan.

САЙПОВ Садулла Турсынбаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии Каракалпакского государственного университета им. Бердаха, Нукус, Узбекистан.

Sadulla T. SAIPOV, PhD (History), Associate Professor, Department of Archaeology, Karakalpak State University named after Berdakh, Nukus, Uzbekistan.

ВЕТОХОВ Сергей Вячеславович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Sergey V. VETOKHOV, PhD (History), Senior researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

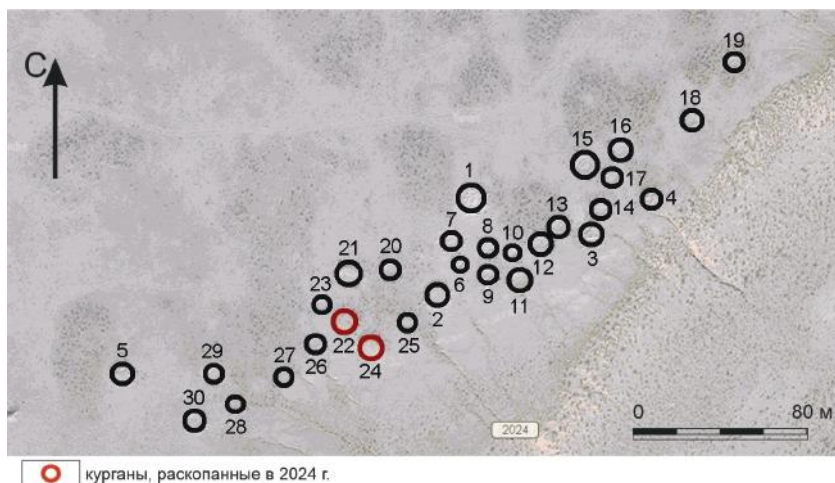

Рис. 1. Моги́льник Гунжели 1. Космоснимок.
Fig. 1. Burial ground Gunzheli 1. Space photograph.

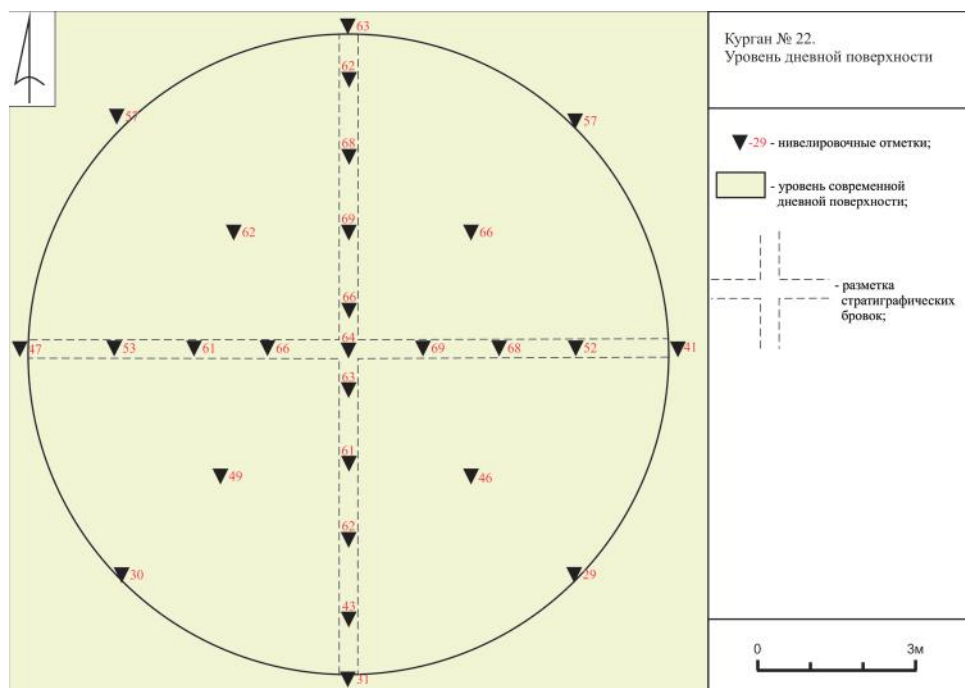

Рис. 2. Моги́льник Гунжели 1. Курган 22. Уровень дневной поверхности.
Fig. 2. Burial ground Gunzheli 1. Mound 22. Daylight surface level.

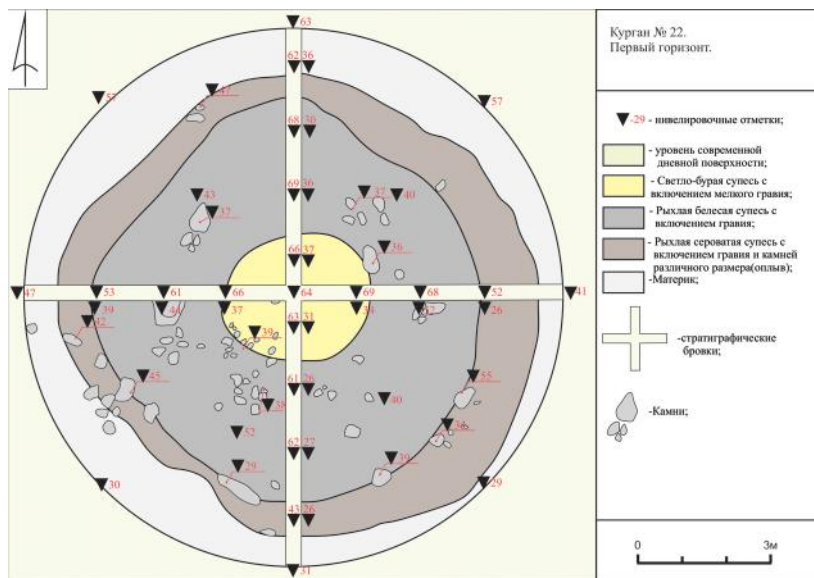

Рис. 3. Могилище Гунжели 1. Курган 22. Первый горизонт.

Fig. 3. Burial ground Gunzheli 1. Mound 22. First horizon.

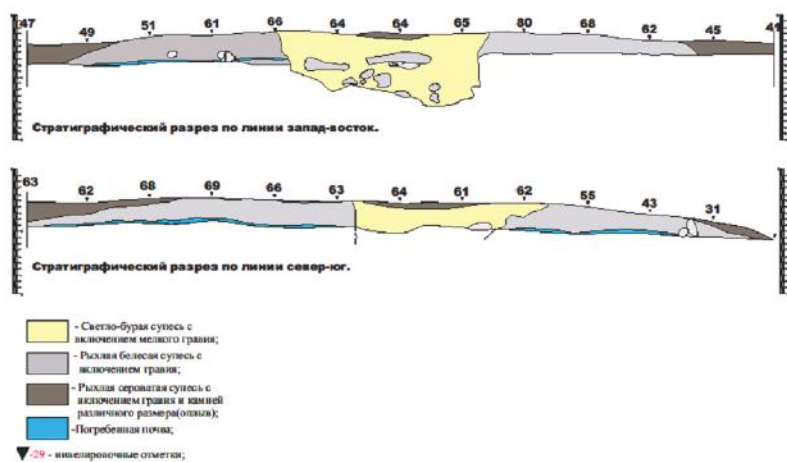

Рис. 4. Могилище Гунжели 1. Курган 22. Стратиграфические разрезы.

Fig. 4. Burial ground Gunzheli 1. Mound 22. Stratigraphic sections.

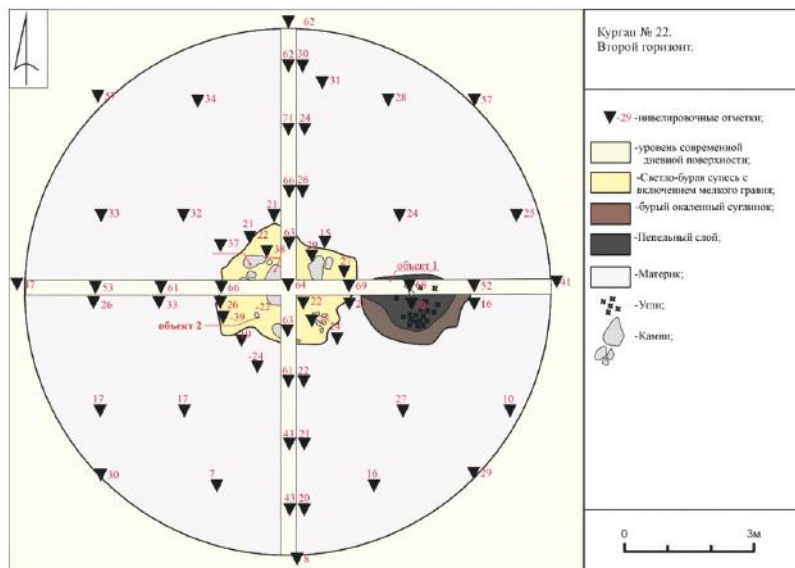

Рис. 5. Могилиник Гунжели 1. Курган 22. Второй горизонт.
Fig. 5. Burial ground Gunzheli 1. Mound 22. Second horizon.

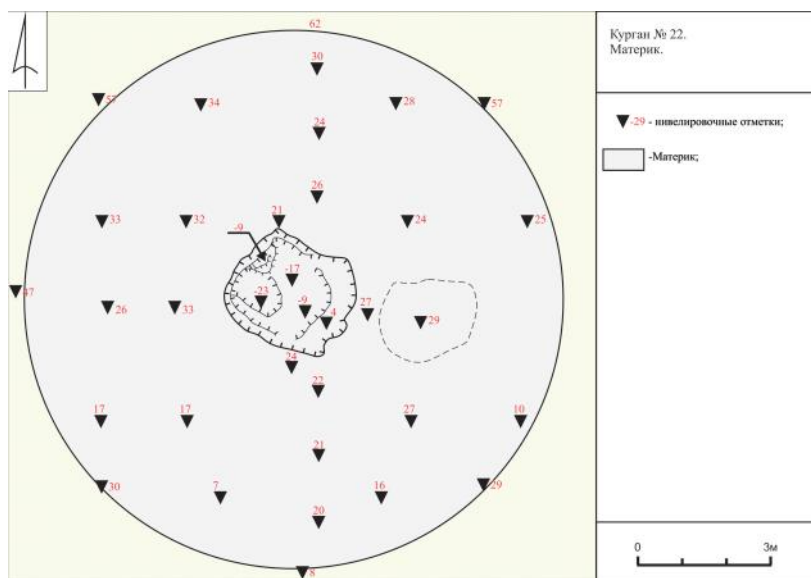

Рис. 6. Могилиник Гунжели 1. Курган 22. Материк.
Fig. 6. Burial ground Gunzheli 1. Mound 22. Natural ground.

Рис. 7. Могильник Гунжели 1. Курган 22. «Могильная» яма. Вид с востока.
Fig. 7. Burial ground Gunzheli 1. Mound 22. "Grave" pit. View from the east.

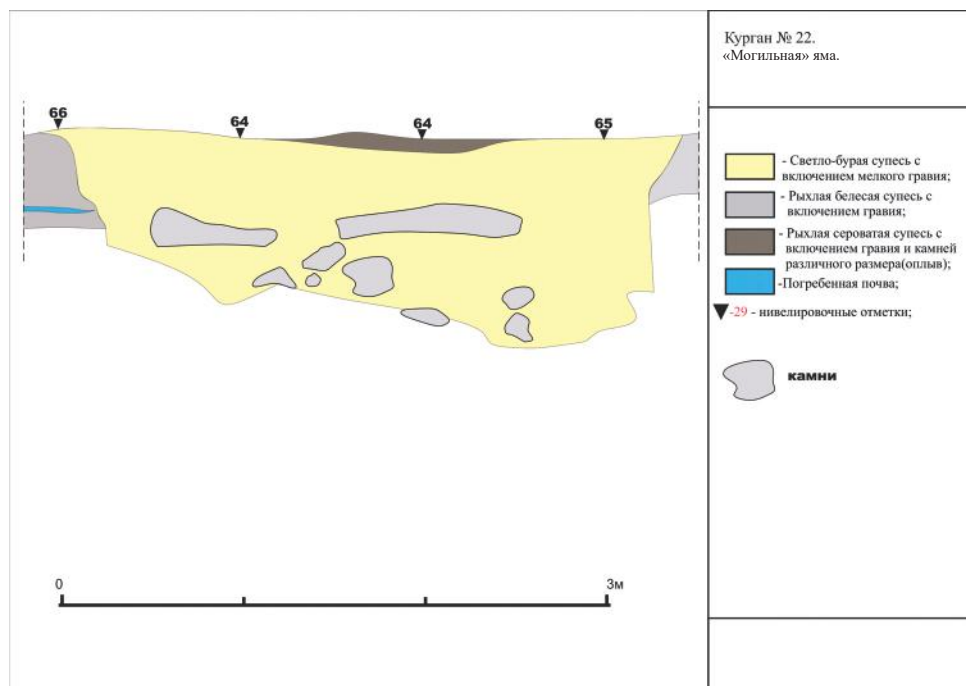

Рис. 8. Могильник Гунжели 1. Курган 22. «Могильная» яма. Разрез.
Fig. 8. Burial ground Gunzheli 1. Mound 22. "Grave" pit. Section.

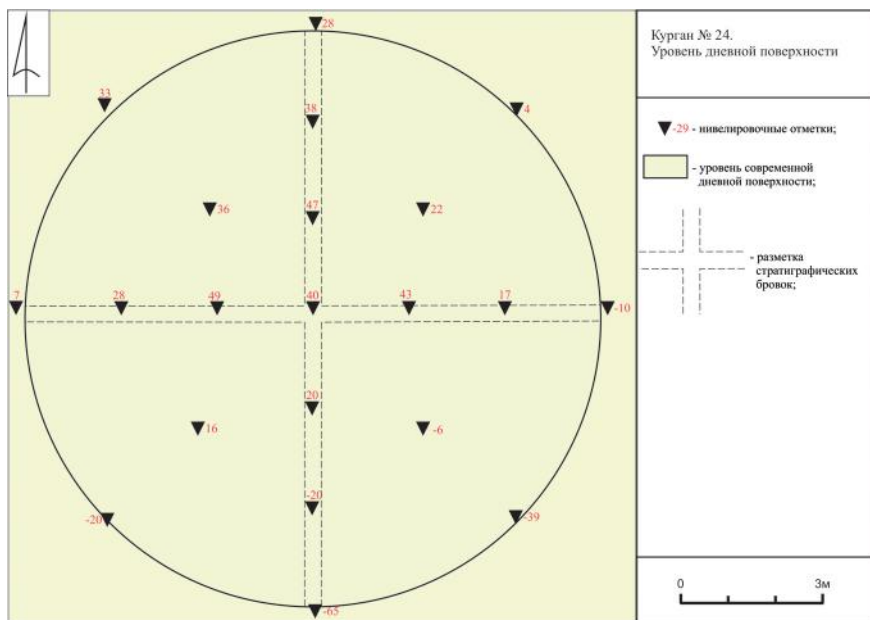

Рис. 9. Могилище Гунжели 1. Курган 24. Уровень дневной поверхности.

Fig. 9. Burial ground Gunzheli 1. Mound 24. Daylight surface level.

Курган 24.

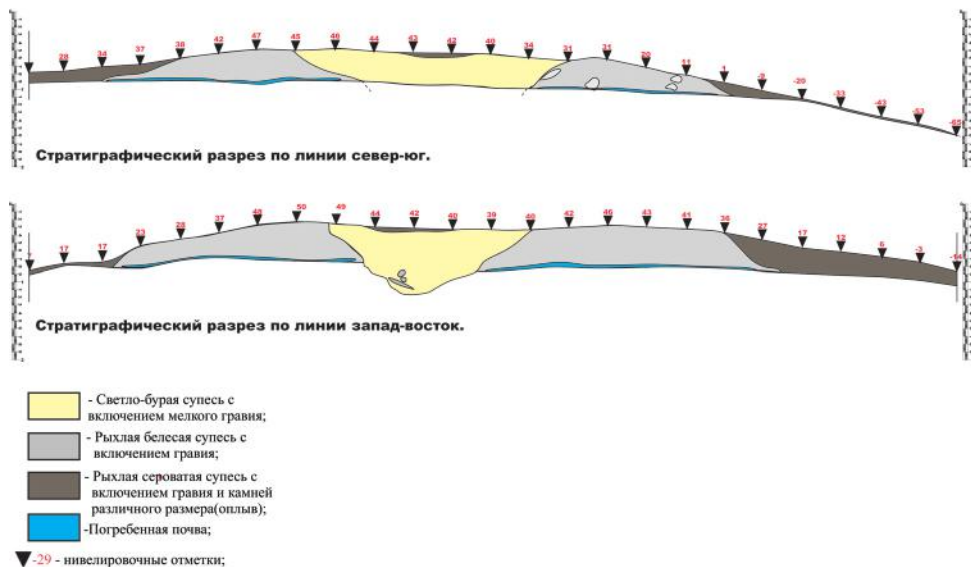

Рис. 10. Могилище Гунжели 1. Курган 24. Стратиграфические разрезы.

Fig. 10. Burial ground Gunzheli 1. Mound 24. Stratigraphic sections.

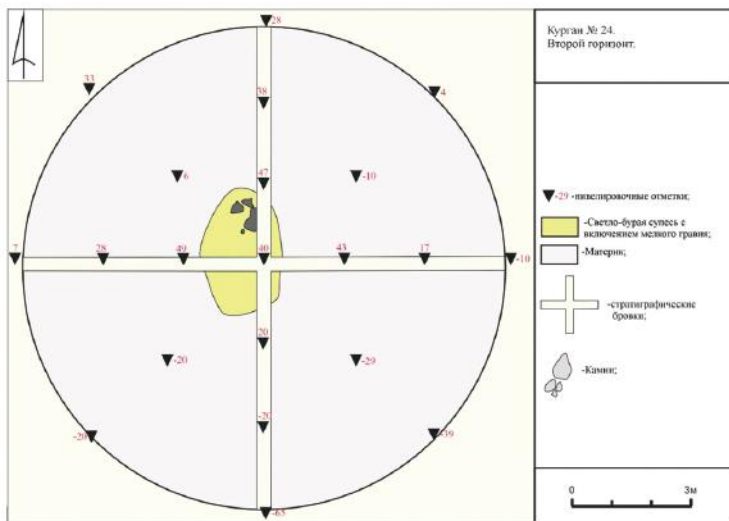

Рис. 11. Могильник Гунжели 1. Курган 24. Второй горизонт.

Fig. 11. Burial ground Gunzheli 1. Mound 24. Second horizon.

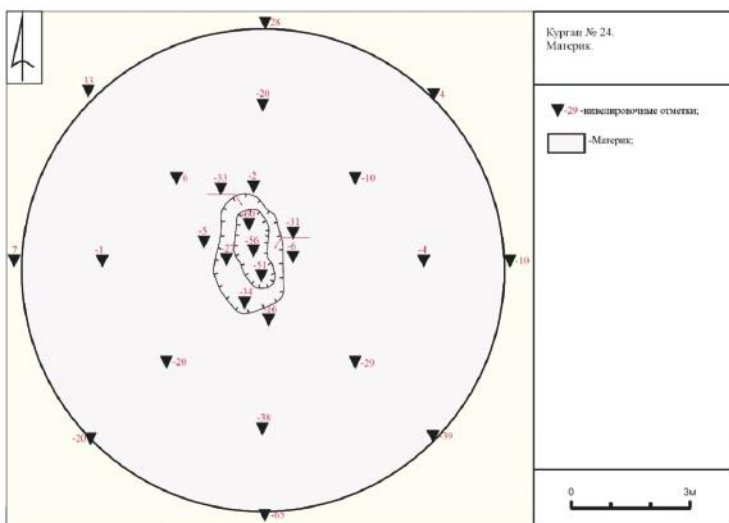

Рис. 12. Могильник Гунжели 1. Курган 24. Материк.

Fig. 12. Burial ground Gunzheli 1. Mound 24. Natural ground.

Рис. 13. Могильник Гунжели 1. Кургan 24. Могильная яма. Вид с юга.
Fig. 13. Burial ground Gunzheli 1. Mound 24. "Grave pit". View from the south.

Рис. 14. Могильник Гунжели 1. Кургan 24. Фрагмент придонной части красноглиняного кувшина. Фото.
Fig. 14. Burial ground Gunzheli 1. Mound 24. Fragment of the bottom part of a red clay jug. Photo.

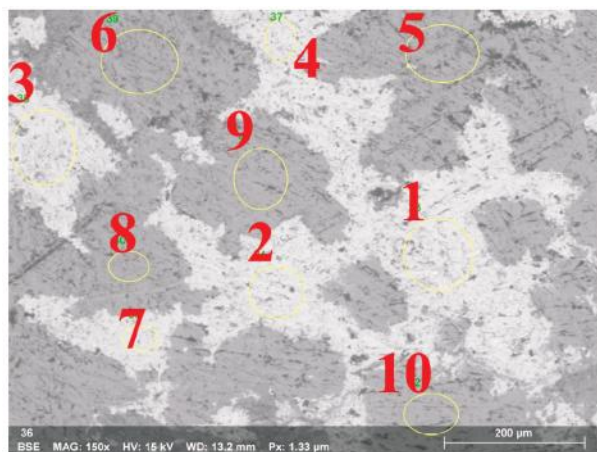

Рис. 16. Курган 24. Поверхность бронзового перстня. Фото.
Fig. 16. Mound 24. Surface of a bronze ring. Photo.

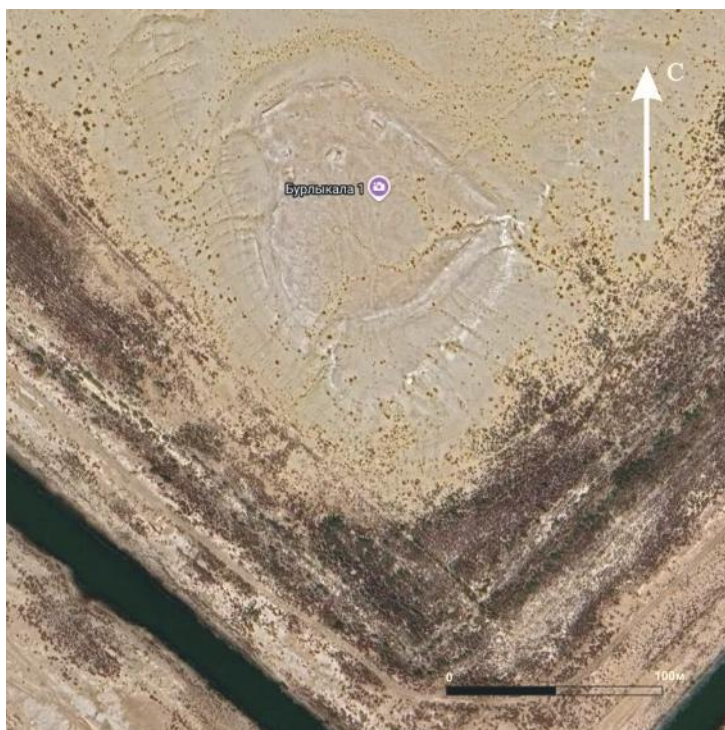

Рис. 18. Городище Бурлыкала. Космоснимок.
Fig. 18. Burlykala settlement. Space photograph.

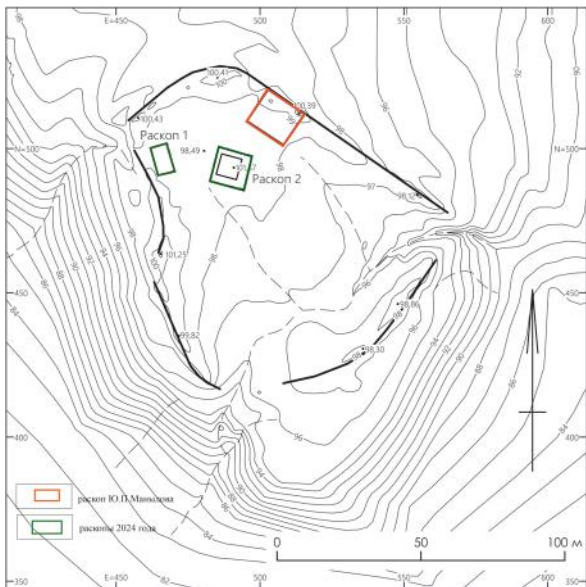

Рис. 19. Городище Бурлыкала. Топоплан.

Fig. 19. Burlykala settlement. Topoplan.

Рис. 21. Городище Бурлыкала. Знак в виде «древа жизни».

Fig. 21. Burlykala settlement. A sign in the form of a "tree of life".

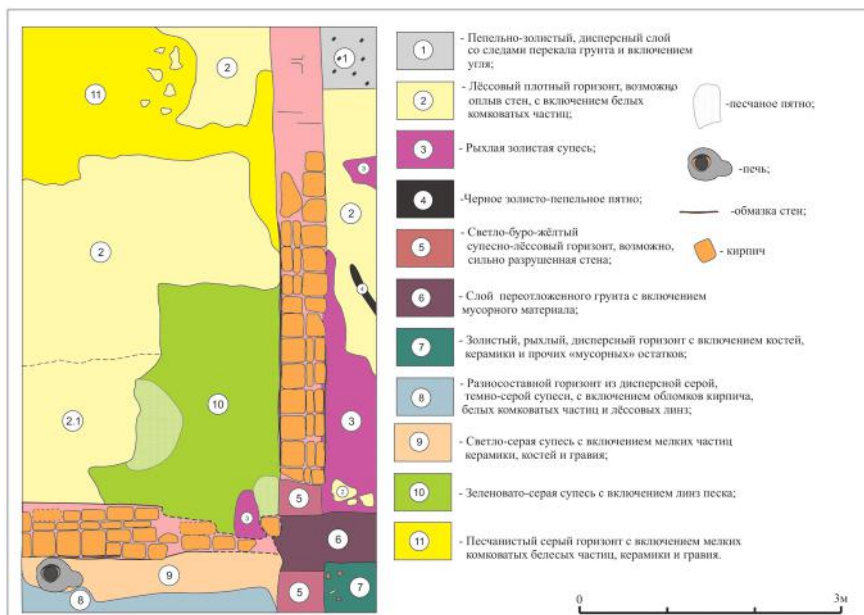

Рис. 22. Городище Бурлыкала. Раскоп 1.
Fig. 22. Burlykala settlement. Excavation 1.

Рис. 23. Городище Бурлыкала. Башнеобразное сооружение до начала раскопок.
Fig. 23. Burlykala settlement. The Tower-shaped structure before excavations.

1

2

3

4

Рис. 25. Городище Бурлыккала. Знаки на кирпичах и керамической плитке.
Fig. 25. Burlykala settlement. Signs on bricks and ceramic tiles.

Рис. 26. Городище Бурлыккала. Северная сторона Башнеобразного сооружения.
Fig. 26. Burlykala settlement. The northern side of the Tower-shaped structure.

Рис. 27. Городище Бурлыккала. Башнеобразное сооружение. Вид с северо-запада.

Fig. 27. Burlykala settlement. Tower-shaped structure. View from the northwest.

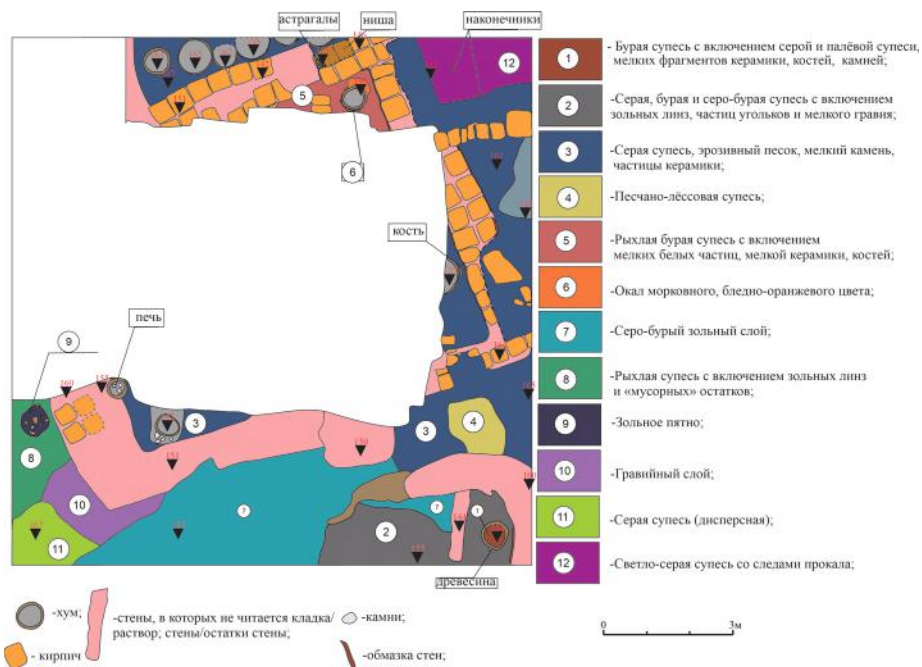

Рис. 28. Городище Бурлыккала. Раскоп 2.

Fig. 28. Burlykala settlement. Excavation 2.

1

2

3

4

5

Рис. 29. Городище Бурлыккала. Раскоп 2. Находки.
Fig. 29. Burlykala settlement. Excavation 2. Findings.